

Ночные поезда

Ниже мы печатаем главу из книги К. Паустовского «На медленном огне». Книга эта войдет в автобиографический цикл «Повесть о жизни». Действие главы происходит в Москве в 1923 году.

В СЕ МЫ жили тогда как попало и потому неважно. Олеше и Ильфу дали узкую, как пенал, комнату при типографии «Гудка». Гехт жил где-то в Марьиной роще среди холодных сапожников. Булгаков поселился на Садовой-Триумфальной в темной и огромной, как скетинг-ринг, коммунальной квартире.

Соседи Булгакова привезли из деревни петуха. Он смущал Булгакова тем, что пел ночью без времени. Жизнь в городе сбивала петуха с толку. Я скитался по знакомым, пока капитан Зузенко, работавший вместе со мной в морской газете «На вахте», не нашел мне пристанище в Пушкине, под Москвой, рядом с домом, где он жил сам. Пристанище оказалось пустой, как сарай, и ледяной дачей.

В моей комнате стояла скучная и пыльная мебель и лежала на продавленной тахте потертая шкура белого медведя. Пыль на мебели просто омаменела. Ее нельзя было стереть ничем, разве только считывая напильником. В пазах между бревен дружно пищали мыши.

О Зузенко я писал довольно много. Да и нельзя было не писать об этом строптивом и добром человеке с лицом, изуродованным боксом. Мы сдружились, очевидно, по резкой противоположности характеров. Зузенко не знал сомнений, я же был полон ими сверх меры. Зузенко был грубоват и насмешлив, а я, к своему огорчению, был вежлив даже с трамвайными ворами и не любил насмешек.

Сначала мне нравилось жить за городом. Тогда от Мытищ до Пушкина еще тянулся нетронутый лес. Каждый день приходилось ездить в Москву, в редакцию, и возвращаться в полночь последним поездом. В Москве перед отходом поезда кондуктор загонял всех пассажиров в один вагон — для их же собственной безопасности. Тогда в пригородных поездах сильно грабили (в то время говорили «раздевали»).

Пассажиры нервничали, помалкивали. Да и разговаривать было трудно. Маленькие вагоны шли с таким грохотом, что можно было только перекрикиваться.

Пассажиры были большей частью одни и те же и знали друг друга в лицо. Поэтому на всех новичков они посматривали подозрительно и садились от них подальше.

Самым опасным считался перегон от Лосиноостровской до платформы Тайнинка. «Бандитский вертеп!» — говорили о Тайнинке опытные пассажиры. На людей, сходящих ночью в безлюдной Тайнинке, смотрели с сожалением и гадали, дойдут ли они до дому или нет. После Тайнинки пассажиры успокаивались и дремали до самого Пушкина.

Мы с Зузенко всегда ездили вместе. В этом было для меня два преимущества — одно на пути из Москвы в Пушкино, а другое — на пути из Пушкина в Москву.

Преимущество на пути из Москвы в Пушкино состояло в том, что с Зузенко я чувствовал себя в безопасности. Человек огромной физической силы и бесстрашия, он каким-то шестым чувством узнавал любую «шпану» и немедленно переходил в наступление.

Заметив в вагоне «подозрительного по шпане» человека, он долго и тяжело смотрел на него, потом вставал, зловеще и медленно подходил к нему и говорил:

— На первой же остановке выматывайся из поезда! Без визга!

При этих словах Зузенко засовывал руку в карман шинели.

Удивительное всего было то, что Зузенко ни разу не ошибся — «подозрительные по шпане» «выкатывались», даже не матерясь.

Но один раз Зузенко опешил. Было это уже за Тайнинкой. Все мирно дремали. Против нас на скамье спал, поджав ноги, мальчишка лет четырнадцати. Он очень вертелся и иногда даже подпрыгивал во сне.

Зузенко высказал предположение, что мальчишку мучают глисты. Поезд рвануло на стрелке, мальчишка подбросило, он проснулся и неожиданно начал стрелять. При этом он кричал: «Дяденька, спасите!»

Стрелял он, как опытный бандит. — из кармана своего ватника. Пассажиры проснулись и ринулись на площадку. Зузенко схватил мальчишку за шиворот, но тотчас отпустил.

— Что это? — крикнул он. — Как он стреляет? Руки у него наружу!

В это время из кармана мальчишки раздался сам по себе еще один — последний — оглушительный выстрел. Мальчишка взвыл. Карман у него тлел. Из него шел удушливый дым.

— Ватник снимите! — отчаянно кричал мальчишка. — А то сгорю, дяденька!

Зузенко стащил с мальчишки ватник.

— Что у тебя в кармане, шкет несчастный?

Конопатый заплаканный «шкет» признался, что у него в кармане лежали насыпью пробки для пугача. Очевидно, пробки нагрелись, долго ерзали и терлись от качки и рывков поезда и на одном, самом сильном рывке, наконец, взорвались.

Ватник потушили. Мальчишку пассажиры, как водится, изругали. Зузенко хохотал, раскачиваясь, как араб на молитве, потом неожиданно сказал:

— Вот случай для Джекобса!

Джекобс был английским юмористическим писателем, любителем такого рода бессмысленных историй.

Второе преимущество поездов с Зузенко относилось к поездам из Пушкина в Москву.

Как только ранним утром мы входили в вагон в Пушкине, Зузенко начинал рассказывать мне всяческие занимательные истории из своей жизни. Любопытные пассажиры подсаживались поближе.

Вскоре слух об этих рассказах прошел по всему Пушкину. В вагон, куда садился Зузенко, набивалось столько народу, что негде было присесть. Чтобы лучше слышать, пассажиры тесно сбивались вокруг капитана и наваливались мне на плечи и спину. Я долго потом не мог отдышаться.

Приходил кондуктор и начинал речь о неправильной нагрузке вагонов. Все вагоны пусты, а в этот не втиснешься. Да он и не рассчитан на такую нагрузку. Безобразия! Наверняка загорятся буксы.

Каждый раз пассажиры вступали с кондуктором в беспорядочный технический спор и доказывали ему, что «вагон не просядет» и никакого крушения не будет.

Зузенко приносил в редакцию «На вахте» свои воспоминания о плаваниях. Воспоминания эти он печатал на старой машинке с латинским шрифтом. В тех местах, где латинские буквы не совпадали с русскими, Зузенко вписывал

русские буквы от руки. Это была каторжная работа. В то время в России было много безработных морских капитанов по той причине, что совсем не было морских кораблей. Поэтому Зузенко числился в резерве советского торгового флота. Он дожидался, когда, наконец, появится подходящее, по его словам, «корыто», на котором он будет плавать если не капитаном, то хотя бы третьим помощником. За пребывание в резерве Зузенко получал ничтожную ставку и потому постоянно изыскивал способы перехватить денюжат.

Был нэп. Нэпманов и так называемых «частников» Зузенко ненавидел люто и необратимо.

То было племя барышников и комбинаторов. Те из них, кто был половчее и побогаче, пытались придать себе вид промышленников, крупных торговцев и дельцов. Но дальше этого внешнего вида дело обычно не шло, и все знали, что это — «липа».

Мы относились к нэпу скептически. Мы знали, что нэп — явление временное, что с первых же дней своего рождения он дышит на ладан и, совершив свое дело, будет выброшен на свалку истории. Так оно и случилось.

Но нэпманы всех раздражали. Они торопились обогащаться. Они задыхались от спешки и шалели от всяческих комбинаций и неизбежного страха. Пределы дозволенного были не особенно ясны. Любой шаг мог оказаться роковым. Все это придавало характеру нэпманов истеричность.

Их существование, с его судорожным и кургузым размахом, подержанными автомобилями, линиями красавицами и трактирной цыганщиной, напоминало плохо сыгранный спектакль «Пир во время чумы».

Где-то в Сибири и на Дальнем Востоке сдавались на концессию рудники и золотые прииски, но это было так далеко от Москвы, что казалось нереальным и потому не вызывало тревоги.

Мы же сталкивались только с нэпмановской «плотвой». Нас, конечно, не могли смутить кислые дамы и старушечки, поргованные пончиками и самодельными тянучками из окон своих комнат в первых этажах домов. Соблазнительные свои товары они раскладывали на подоконниках.

Там, кроме пончиков и печенья, можно было увидеть горки пиленого сахара на облезлом фарфоровом блюде (настоящий «сахс»), вязаные галстуки, зажигалки, китовый ус для корсетов и нарядные — розовые и голубые — резинки для дамских подвязок, негодные к употреблению, так как резина давно пересохла.

Мы воспринимали нэп главным образом с бытовой и комической стороны.

Особенно славился в то время в Москве «король древесного угля» Яков Рацер. Предприятие его помещалось в Марьиной роще, против дома, где жил Гехт.

Каждое утро, чуть начинало светать, Яков Рацер — тучный старик с надутым лицом — выходил в кальсонах розового цвета на балкон своего двухэтажного дома и пропускал мимо себя весь длинный и жалкий обоз угольщиков на колченогих конях.

Рацер стоял, как полководец, принимающий парад своих обшарпанных войск. После парада угольщики расплазались по всем закоулкам Москвы, оглашая дворы унылыми криками: «Вот уголек кому надо!». Все в угольной пыли, они походили на негритосов. Они удивляли москвичей эмалевой белизной глазных яблок под сизыми веками.

Время от времени Яков Рацер печатал в «Известиях» покаянное объяснение: «Бывали случаи, что у Якова Рацера уголь оказывался неполновесным, но не бывало случаев, чтобы уголь у Якова Рацера оказывался сырым».

Широко известен был еще один частник по фамилии Функ. Он открыл в Москве производство сапожного крема. Функ понимал толк в рекламе. На многих улицах висели

на фонарях веселые человечки, вырезанные из жести. Они танцевали чететку, приподняв над головой соломенные щегольские наноты, сверкая зубами и сияющими ботинками, только что начищенными пастой Функ.

Человечки восторженно призывали чистить обувь только пастой Функ. Этот призыв выглядел в то время нелепо. По всем улицам шлепали заскоружлыми босыми ногами беспризорники, а обувь, требующей столь изысканной чистки, в Москве вообще не было.

Москва была полна беспризорными. Их вылавливали, увозили в колонии, но они снова возникали на улицах и рынках, ходили стаями, играли в карты в глухих закоулках, спали в подездах и пустых асфальтовых котлах, воровали, выпрашивали папиросы и пели по трамваям блатные песни, отбивая такт деревянными ложками.

Вплотную с беспризорниками я встретился в ночном пригородном поезде. Это случилось поздней осенью перед жестокими морозами 1924 года. Однажды мы с Зузенко вошли в плохо освещенный вагон. Но на платформе ярко горели фонари, и их свет проникал внутрь вагона сквозз забрызганные дождем окна. Дождь лил холодный, упорный, с ознобом. В углу вагона шевелилась гряда серого тряпья.

— Нетопыри! — сказал Зузенко. Это были беспризорные. Они лежали вповалку на полу, прижавшись друг к другу, прикрывая собой маленького мальчишка лет восьми.

Свет фонаря падал на него, и первое, что я заметил, — это его большие глаза, а потом — дрожь, ужасную, неудержимую дрожь его высохшего хилого тела. Он дрожал так, что в ответ на его дрожь позванивало расшатанное стекло в окне вагона.

Лежавшие по сторонам мальчишки натягивали на него полы своих рваных «клифтов».

«Клифтами» или «жзкетами» называлась одежда беспризорных — пиджаки или кофты с чужого взрослого плеча, длинные, ниже колен, с болтающимися рукавами. От времени и грязи «клифы» приобрели одинаковый мышино-серый цвет и блесгели, будто смазанные маслом. В рваных обвисших карманах этих «клифтов» хранилось все имущество беспризорников — папиросы, «марафет», ножи, корки хлеба, спички, засаленные карты и обрывки грязных биятов.

Под «клифтами» даже не было истлевших рубах, а желтело озябшее зеленовато-грязное тело, расчесанное в кровавые полосы.

— Не трусись, Царевич. — проговорил осипшим голосом мальчик постарше. — В Мытищах отогреемся.

Вошел кондуктор, посветил на беспризорников фонарем, выругался и прошел мимо.

Мы сели поодаль. В вагоне, кроме нас, почти не было пассажиров. А те немногие, что вошли, сидели тихо и будто ничего не замечали.

— А ну, пацаны! — вдруг сказал Зузенко. — Желающие покурить, вали сюда!

Встал и подошел только мальчик постарше. Остальные — их было трое — продолжали лежать.

Мальчик сел на скамью против нас, поджал босые ноги, жадно закурил, длинно сплюнул и сказал, поглядывая на слабо блестевший морской герб (так называемый «керб») на фуражке Зузенко:

Окончание на 4-й стр.

Только вложить в конверт
не клеить

ние в Коста-Рике. Одновременно с ним выступил в Нью-Йорке сенатор Китинг — с призывом возобновить блокаду Кубы...

Не мешало бы, однако, империалистам призадуматься над тем, как бурлит американский континент, как сильно возмущение и недовольство народов. Может быть, это охладит его не в меру горячие головы...

НЬЮ-ЙОРК, 22 марта.
(По телеграфу)

Рис. Н. Лисогорского

осваивал! В полном соответствии с приказом одного из своих командиров, генерала фон Тротта: «Народ гереро должен покинуть землю. В пределах границ, установленных Германией, будет расстрелян во — делать он будет: «По моему происхождению можно судить о том, что я так займусь стоящими перед нами вопросами, чтобы в итоге бундесвер стал инструментом, на который мог бы положиться немецкий народ» (читай: милитаристы-реваншисты).

По словам бюллетеня «Парламентарий-политический пресединст», с его приходом бундесвер

Внимательно изучив ее, я пришел к убеждению, что и мне нетрудно заделаться великим художником, стоит только как следует взяться за дело.

Сомнения нет, я прекрасно могу создать точно такие же произведения, как те, которые выставлены в Мюнхене на Ленбахплац в «Новой галерее Дома искусств» близ «Хофбройхауза» — бывшей придворной пивоварни. Я даже могу довести мои

В соответствии с тревожаниями момента (созданием оси Берлин—Париж) великие деятели искусства Запада, федеральные немцы и французы, решили объединиться и назвали себя «новыми реалистами». Выражаясь прямо и ясно, они «решили вернуться к природе, но не к романтической и уютной, а к природе индустриальной, урбанистической и общедоступной».

Быть может, какой-нибудь читатель все еще не уяснил себе цели «новых реалистов»? Тогда, пожалуйста, не спрашивайте меня об этом, а купите себе словарь. Ведь в конце концов я только собираюсь стать художником.

А какие деньги можно на этом заработать! Вы только посмотрите на деньги, о которых скромно сообщает «Шпигель». Вот, например... Простреленный и обмозженный ячмыным желтком «Гамбринус» стоит ровнехонько 6 тысяч западных марок. А три старые пустые бочки изпод керосина, нагроможденные одна на другую, именуемые «Восхваление Мюнхена», те предлагаются просто даром, за какие-нибудь 4 тысячи.

Завтрак, прибитый к стене, доступен даже малоимущим гражданам

ние к нему, мне кажется, что он и так поступил бессовестно. В картине всего полтора метра длины при всем желании на ней не увидишь ничего, кроме синей краски его счастливая вдова требует за восемьдесят тысяч наличными.

Нет, право, я предпочитаю проведение «нового реалиста» Арма Творческого наитие молнией орило его мозг, и он тут же схватил топор, изрубил на куски скрипку

потом собрал обломки, прибил их белой доске и с абсолютной правозностью назвал свое гениальное произведение «Припадок бешенств». Вы можете приобрести этот «припадок» всего-навсего за 3 тысячи

Итак, я открыл, что во мне дрелет многообещающий художник-дернист. Я полон великих идей. Возьму-ка топор, разобью отслужившее свой век сиденье от унитаза, назову обломки «Последние выствлы» и отошлю их в Мюнхен. И все про все возьму скромные 3 тысячи.

За сим последует древний диву него отломаны две ножки. Я ломаю еще и третью. Пусть проведение искусства качается как судет. И окрещу его «Любовный угар», оценив не менее чем в десяти тысяч марок.

Потом есть у меня еще старый дейский свисток. Я прикреплю к черной траурной ленте и назову «Игра со смертью». Только не судит ли это пошлым реализмом?

Ладно. Будь что будет. Уже в что не может меня удержать. Мне потрясающе неповторимы произведения должны помочь западному искусству подняться на новую высоту. Конечно, у нас, в ГДР, мне не удастся проделать. Попробуй только выставить в «Художественном павильоне» на Унтер ден Лиден крышку от унитаза, свой див и свисток... Меня не постесняются тут же передать в руки психиатра

Вот поэтому-то мои произведения и предназначены оздоровить искусство Запада... Только боюсь, сумют ли по железной дороге доставить мой драгоценный хлам целым и невредимым в Мюнхен?

Так выглядит «шедевр» — колыска в нейлоновом мешке, стоимостью в тысячу шестьсот марок.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.

Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, А. МАКАРОВ, Г. МАРКО, В. МЕДВЕДЕВ, Е. ОСЕТРОВ, О. ПРУДКОВ, Г. РАДОВ, Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, С. РОСТОЦКИЙ, Я. СМЕЛЯКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 01246.

ИНДЕКС 50067